

Л.М. Скредина

Сопоставление психосистематики французского и русского глагола

Термин «психосистематика» взят из французского (*psychosystématique*), где он употребляется в традициях школы Г.Гийома и означает систематику грамматического значения [1]. В последнее время термин все чаще заменяется синонимичным «психомеханика» (*psychomécanique*) для того, чтобы подчеркнуть идею психического механизма, согласно которому происходят ментальные операции рождения и оформления языковых единиц [2]; однако нам представляются более удобными для употребления в русском языке термины «психосистематика» или просто «систематика», хотя они могут восприниматься как передающие способ классификации, то есть в статическом значении понятия «система». Надо подчеркнуть, что психосистематика, или систематика по Гийому, связана с динамическим понятием системы. Это не просто классификация, а описание динамики, кинетизма языковой системы, притом — еще до реализации этой системы в речевом общении.

Психосистематика французского глагола детально разработана Г.Гийомом (1883-1960) [3]. Что касается русского глагола, то кроме неоднократного обращения к нему Гийома [4] есть монографическое исследование канадского ученого Л. Меная, выполненное в соответствии с мыслью основателя школы [5]. Исходная позиция для воссоздания психической системы глагола как во французском, так и в русском языке — это анализ семиологии глагола, то

есть анализ его означающей стороны. После этого воссоздается сторона означаемая, то есть психическая.

Рассмотрим поэтапно эти две теоретические разработки.

I. Психосистематика французского глагола

Г.Гийом дает многомерную систему глагольного времени, называя ее архитектурой, или архитектурикой. В ней есть глубина, широта и долготы, характеризующие представление образа Времени поэтапно и по мере приближения к формированию собственно грамматического времени. Этапами являются: 1) время в потенции (неличные глагольные формы), 2) время в становлении (личные формы сослагательного наклонения, или субжонктива), 3) время в действительности (личные формы изъявительного наклонения, или индикатива). Последний этап называется **хронотезой** собственно глагольного времени как времени актуального. Все три этапа составляют в совокупности **хроногенез**, то есть процесс образования представления времени в лингвистическом сознании, вернее, в бессознании или подсознании.

На хронотезе актуального времени располагаются пять флективных форм: настоящее время, два прошедших (простое прошедшее *passé simple* и имперфект *imparfait*) и два будущих (простое, или категорическое *futur simple* ou *catégorique* и гипотетическое будущее, традиционно кондиционал *futur hypothétique* ou *conditionnel*).

Схематически расположение этих форм на хронотезе индикатива можно показать так (используем семиологию глагола *marcher* в 3 л. ед. ч.):

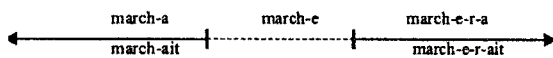

Рис. 1

Расположение форм подчиняется противопоставлениям а) временных планов (*époques*) прошедшего и будущего как планов реальности и гипотезы; б) двух уровней — инцидентного и декадентного как уровней совершаемости и совершенности (*accomplissement et accompli*).

Первое противопоставление образуется благодаря презенсу, который по своей позиции служит своеобразным рассекателем потока времени.

Второе противопоставление образуется также благодаря презенсу, так как его компози-

ция, его структура двучастна: в ней есть частица будущего (она обозначается греческой буквой α) и частица прошедшего (она обозначается греческой буквой ω). Иными словами, в ней есть уровень инциденции и декаденции; эти уровни отображают в самом общем смысле момент прихода, наступления времени — из будущего, и момент ухода, падения времени (как в песочных часах) — в прошедшее.

Схема показывает, что эти частицы являются семантическим наполнителем времен: частица α как частица наступления, совершаемости действия для простого будущего и для простого прошедшего, а частица ω — как частица ушедшего, совершившегося действия входит в состав имперфекта и гипотетического будущего (кондиционала). Две последние формы выступают семантически двучастными, заключая в своей структуре частицы совершаемости, инциденции, — α — и совершенности, декаденции, — ω .

Принципиально важно открытие Гийома по поводу кинетизма французского презенса: в отличие от латинского он не горизонтален, а вертикален, приближаясь благодаря этому к точке. См. на схеме:

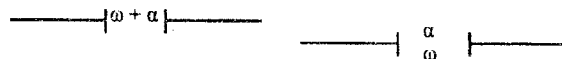

Рис. 2

Г.Гийом пришел к мысли о вертикальности французского презенса благодаря наличию двух форм времени в плане прошедшего и в плане будущего. Семиологически инцидентные формы противопоставляются с помощью морфемы футуральности -г-, а декадентные — с помощью морфем -а/-ait (по 3-му л.ед.ч.). В вертикальности презенса Гийом увидел следствие стремления презенса к наибольшей узости [6], к превращению его в самую тонкую границу между будущим и прошедшим, в точку, причем в точку не с горизонтально, а с вертикально расположенными частицами α и ω . См. LSL, p. 254-255.

Как известно, в индикативе есть еще и серия сложных имен; их Гийом рассматривает за пределами системы флективных форм как форм времени. Сложные формы противопоставляются простым как сложный вид — простому виду. Простой вид глагола не выходит за пределы внутреннего созерцания процесса, а сложный является взглядом на процесс извне и после совершения этого процесса, поэтому

простой вид называется также имманентным, а сложный — трансцендентным. По отношению к сложному сверхсложный вид будет назван би-трансцендентным. Пример: имманентный вид: *marcher*, трансцендентный: *avoir marché*, би-трансцендентный *avoir eu marché*.

Таким образом, вид есть видоизменение глагола по формам (простым и сложным), отражающим изменения внутреннего времени глагола. Вид охватывает всю глагольную систему во французском языке, не входя в нее и являясь сверхкатегорией относительно всех остальных категорий: наклонения, времени, лица. Это легко проследить по всем сериям глагольных форм: неличные *avoir marché*, *ayant marché*, *marcher*, *marchant*; личные по наклонениям индикатива и субъектива *il marche — il a marché — il a eu marché*; *qu'il marche — qu'il ait marché — qu'il ait eu marché*. См. LSL, p. 190; TV, p. 20-23.

II. Психосистематика русского глагола

Г.Гийом хорошо знал русский язык. Об этом есть свидетельства его друзей и коллег (Р.Вален, Ж.Стефанини и др.), а также многие факты его биографии, например, его многолетние контакты с русскими во Франции, преподавание им французского языка и составление учебных разработок под названием: «Метод Гийома. Подготовка к преподаванию французского языка в России» [7]. Метод был переводным, на нем отработывались типологические сопоставления, в брошюрках содержались отрывки из классических произведений русской литературы, публицистики. Теория артикля создавалась в ходе этой его работы с русскими учениками. В знаменитой диссертации по французскому артиклю автор, наряду с материалами других языков (английский, немецкий, греческий, болгарский, румынский и др.), привлекал и русский. Так, например, анафорическое и эмфатическое употребление частицы *-то* иллюстрируется примером из «Недоросля» Фонвизина: «Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил!» В этом словечке Гийом видит постпозитивный артикль [8].

Система русского глагола получает свою интерпретацию у Гийома уже с 1911 г., когда в «Этюдах по сравнительной грамматике» он обращается к прошедшим временам индикатива русского, немецкого и французского языков [9]. Затем в книге «Время и глагол» (TV) глагольной системе русского языка отводится специальное место. К особенностям видо-временной

системы русского языка Гийом обращается и в других своих работах [10].

Опираясь на семиологию, Гийом определяет систему русского глагольного времени как двуморфную: флективных форм времени в русском языке две, это форма настоящего времени *лью* и форма прошедшего времени *пил* (примеры Гийома). Двуморфной названа система времен немецкого глагола, тогда как система французского времени триморфна.

Противопоставление флексий настоящего и прошедшего времени (*лью — пил*) подсказывает ученому мысль о том, что архитектоника глагольного времени в русском языке как система психических операций имеет центром настоящее время, находящееся в точке пересечения двух осей — вертикальной и горизонтальной. Первая делит временные планы, для обозначения которых Гийом использует те же буквы греческого алфавита, что и для французской системы: план будущего — α альфа, план прошедшего — ω омега. Горизонтальная ось показывает движение времени в направлении от будущего к настоящему и от настоящего — к прошлому. В плане будущего находится приставочная форма глагола *вьлью*, которая флективно не отличается от формы настоящего времени, но посредством приставки несет футуральное значение.

Позиция русского презенса, подобно французскому, состоит в разделении временных планов. Композиция же отличается тем, что в русском презенсе частицы футуральности и претеритальности (иначе, в более общем значении: частицы инциденции и декаденции) расположены по горизонтали, а не по вертикали. Горизонтальность композиции русского презенса свидетельствует о его кинетизме, то есть направленности хода времени в представлении грамматического времени. Структура русского презенса отражает понимание быстротечности реального времени, которое, едва «выйдя» из будущего, тут же переходит в прошедшее.

По сравнению с французским иным выглядит и русское будущее время. Отличается его значение и выражение. В русском языке футурум направляется к настоящему времени, он называется **афферентным**, приходящим, прибывающим. Во французском языке футурум идет от презенса, он называется **эфферентным**, уходящим. Это — разное представление о кинетизме времени, о его направленности, и на это следует обратить внимание. Ведь на пересечении хода времени, на границе временных

планов будущего и прошедшего, в настоящем моменте стоит лицо, стоит Я. Вспомним действительский треугольник «я — здесь — сейчас». Именно Я мыслится либо как двуликий Янус, который может смотреть и вперед, в будущее, и назад, в прошлое; либо как лицо, встречающее время из будущего, пока еще не наступившего, и увлекаемое этим потоком времени в прошлое, уже наступающее, и вот уже наступившее. Возможно, первое Я более активно и независимо, а второе Я — более пассивно и созерцательно.

В типологическом плане Гийом ставит русское будущее время рядом с древнегреческим, которое тоже движется к настоящему времени и тоже названо афферентным. Здесь возникает в памяти образ Хроноса, скульптура которого стоит в Летнем саду, Хроноса, пожирающего своих детей. Дети — будущее, нарождающиеся дни, Хронос — неумолимое время, превращающее «завтра» в «сегодня», а «сегодня» — во «вчера». Но не будем более отступать от пересказа рассуждений Гийома, который не отвлеклся ни к дейксису речи, ни к древнегреческим мифам.

В семиологии, то есть в формальном выражении кинетизма времени и в различении временных планов, русский глагол использует приставки: *пил* — *пью* — *выпью*; *делать* — *переделывать* и др. Приставка, как говорит Гийом, вовлекает глагол в будущее, но не препятствует его соскальзыванию в план прошедшего (*выпью* — *выпил*), так что форма *выпил* выступает как связанная с частицей приходящего времени, или инцидентией, и аналогичная греческому аористу и французскому простому прошедшему. Обратимся к схематическому изображению.

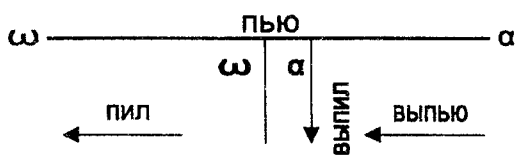

Рис. 3

Отсутствие приставки у глагола в форме прошедшего времени, выражаемой флексией *-л*, вовлекает его в план прошедшего несовершенного, где форма *пил*, связанная с частицей декленции ω, выступает аналогичной древнегреческому и французскому имперфекту.

Для того чтобы быть симметричной, системе не хватает одной формы, то есть для *вы-*

пил (прошедшее совершенное) есть *выпью* (будущее совершенное), но для *пил* (прошедшее несовершенное) соответствующей флексивной формы нет. Есть форма аналитическая: *буду пить*. Она состоит из вспомогательного глагола и инфинитива и семантически идет от настоящего, тем самым противоречит системе, в которой будущее в приставочной форме (*выпью*) направляется к настоящему. Эта новая форма названа **афферентной**, то есть уходящей от презенса; она внутренне симметрична прошедшему *пил*, тоже выходящему из презенса. Но это не та симметрия, которая существует во французском языке, где простое прошедшее формально и семантически подобно простому будущему, а имперфект — кондиционалу.

В русском языке коррелятами для французских будущего категорического (простого) и будущего гипотетического (кондиционала) выступают формы будущего и условно-сослагательного *выпью* — *выпил бы*, тогда как *буду пить* остается в связке *пью* и *пил*. Аналитическая конструкция *буду пить* идет от настоящего времени, образуя ультра-актуальное время. Аналитическая конструкция *выпил бы* идет к настоящему времени, образуя инфра-актуальное время. Гийом упорно противопоставляет языковые и речевые образования, настаивая на том, что языковые поступают в речь уже готовыми к употреблению, тогда как речевые составляются из готовых элементов в речи, хотя для них в системе языка тоже есть свои операции. Полностью готовы к употреблению в речи флексивные формы, их построение завершено в языке до их поступления в речь; что же касается аналитических форм, то им суждено получить свое окончательное построение в речи. Добавим, что это легко проверить нехитрым способом; посмотреть, где можно сделать паузу, разрыв между морфемами и их эквивалентами, служебными словами, которая бы разорвала единство формы в речи. Флексивное слово разрывается волнением, заиканием, аналитическое же совершенно естественно может быть разорвано вставками, паузами.

Схематически окончательный вид объемного представления времени в русском языке у Гийома показан на рис.4 (дается по кн.: TV, p. 106).

Такое представление времени в русском языке сформировалось, как считает Гийом, в результате удачного преодоления противоречия между однолинейностью презенса и многолинейностью времени. Вначале презенс включал

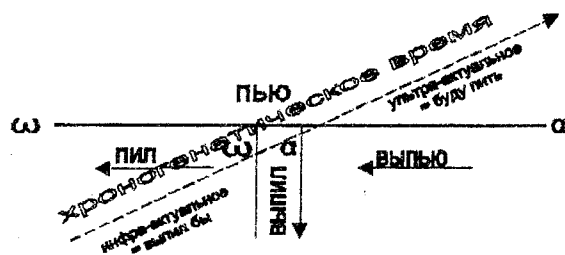

Рис.4

в себя весь опыт времени, затем, подчиняясь необходимости быть узким, выделил за свои пределы прошедшее (в сторону памяти) и будущее (в сторону воображения). Хронотипы α и ω служат своего рода свидетелями этого проходившего в глоттогенезе процесса. Они обозначают временные планы, являясь одновременно частицами семантической структуры презенса и вместе с тем несут в себе представление о характере протекания действия (инцидентное, целостное или декадентное, двучастное).

Коррелят для формы сложного будущего — это форма условно-сослагательного наклонения: *буду пить* — *выпил бы*. Почему эти формы поставлены в соответствие? Первой причиной является формальное, а второй — системное подобие. По мнению Гийома, русский язык для выражения условно-сослагательного наклонения прибегает к столь же простому и экономному решению, как и в других звеньях системы. В чем же состоит эта простота и экономия?

Времена индикатива как наклонения актуальности формируются при делении хронотезы актуальности на временные планы. Это происходит благодаря настоящему времени. Если же мы остановим разделительное движение настоящего времени, то получим аморфную, не различающую временные планы линию. Это будет хронотеза виртуальности, иначе говоря, условно-сослагательное наклонение. Движение настоящего времени останавливается с помощью частицы *бы*. Остановка влечет за собой неформальность флексии настоящего времени, так что условно-сослагательное наклонение получает для своего выражения форму прошедшего времени с частицей *бы*. Но откуда у этой частицы такая сила? Почему она может прервать движение презенса и остановить мыслительную операцию на уровне виртуальности?

Дело в том, считает Гийом, что в русском языке бесприставочная форма будущего времени, симметричная бесприставочной форме прошедшего, выражается с помощью вспомогательного глагола *буду* с инфинитивом. Эта конструкция показывает, что хроногенез продолжается за пределами настоящего времени. Формируя коррелятивное для *буду* прошедшее, язык отмечает нужную позицию в хроногенезе по эту сторону настоящего, то есть во временном плане виртуальности с помощью *бы*. Эта частица на линии хроногенеза является по отношению к *буду* показателем прошедшего. Благодаря *буду* мы движемся хроногенетически за пределы актуального времени (ультра-актуальность), а благодаря *бы* мы остаемся хроногенетически по эту сторону линии актуальности (инфра-актуальность). Тем самым соблюдается правило условно-сослагательного наклонения не выходить за пределы виртуального представления действия как процесса во времени.

Отмеченная симметрия *бы* и *буду* обеспечивает хроногенетическому прошедшему такую же протяженность, как и соответствующему будущему. Отсюда и перспектива виртуальности у этих форм, сближающая русский язык с французским. Напротив, греческий и латинский, обладающие слабой перспективой виртуальности, очень отличаются по употреблению от французского.

Анализ систематики русского глагола приводит Гийома к своеобразному решению проблемы вида. Стремясь к четкому противопоставлению лексического и грамматического значений, Гийом устанавливает типологию вида на основе лексического или грамматического способов его выражения. В русском языке вид выражается лексико-грамматическими способами, а во французском — грамматическими.

Вид как грамматическая категория глагола должна охватывать все его формы, но не нарушать его семантической целостности. Во французском языке это правило соблюдается: все видовые формы французского глагола представляют собою его аналитические фазы, которые остаются в языковом сознании, где глагол каждый раз вновь собирается воедино в сумме своих состояний (видов). В русском языке это правило не соблюдается. Не абсолютизируя роли приставки, Гийом отмечает ее двойную силу, то есть ее связь и с лексическим, и с грамматическим значением, даже если лексическое значение приставки в самой слабой степени меняет смысл глагола. *Выпить* означа-

ет движение более быстрое, чем *попить*, — здесь налицо два разных смысла. Приставка разбивает целостность глагола, она создает новый лексический глагол, начиная с формы инфинитива. Вид глагола, выражаемый с помощью приставки, связывает этот глагол не с основным его содержанием, заключенным в корне, а с частным, полученным с помощью приставки. Семантическая целостность глагола нарушается.

На основе сравнения русского и французского глагола Гийом заявляет, что истинный грамматический вид выражен во французском языке: «Как бы парадоксально это ни показалось, но чтобы узнать вид во всей его чистоте, нужно обратиться к французскому, а не к русскому языку» [TV, p. 108].

Итак, в русском глаголе временные противопоставления выражены флективно только в двух формах: настоящего — *пью* и прошедшего — *пил*. Эти формы входят в видовое противопоставление с приставочными формами: несовершенный вид — *пью, пил* и совершенный вид — *выпью, выпил*. Формы без приставок составляют денсивный вид, а формы с приставкой — тенсивный. К приставкам добавляются суффиксы, например, в *переделать* — *переделывать*; они также разбивают целостность глагола, создавая другой глагол [LS, p. 46-49].

В заключение надо сказать следующее. По Гийому, язык есть теория самого себя и преднаука всех наук. Что это значит? — Это значит, что язык содержит в самом себе человеческий опыт, получивший вид языковых представлений и, что особенно важно, последовательности системных операций. Многие научные открытия, например, в области естественных и точных наук, в том числе физики и математики, предварены были бессознательным постижением сложнейших понятий, которое совершалось в подсознании так называемой «общей мыслью» (*la pensée commune*). Положение о языке как условии существования всех других наук разъясняется не только тем, что язык служит формой выражения, но и тем, что так называемое природное знание (*le su naturel*) предваряет приобретенное, или научное, знание. Природному знанию отводится роль источника света, который освещает строительство языка. Это то самое ясновидение, озаренное лингвистическим предсознанием (*lucidité*), о котором неоднократно говорил Гийом в связи с представлением своей теории глоттогенеза и праксеогенеза [11].

Где можно найти дополнительные свиде-

тельства этого природного знания, кроме главного источника — языка? — В народных мифах, фольклоре, остатках народных традиций и народной культуры.

Литература

1. Подробно о психосистематике см.: Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики (перевод с французского). М.: Прогресс, 1992. См. также: Скредина Л.М. Об одном направлении во французской лингвистике (школа Гийома) // НДВШ. Филолог. науки. 1971. № 2; Она же. Систематика языка и речевой деятельности. Лекция. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. Она же. Систематика языка и речевой деятельности. Методы исследования. Лекция. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1981; Она же. Грамматическая синонимия. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.
2. Valin R. Perspectives psychomécaniques sur la syntaxe. Québec: PU Laval, 1985; Id. L'envers des mots, analyse psychomécanique du langage. Québec: PU Laval et Paris: Libr. Klincksieck, 1994; Id. Le langage au prisme de la science. Essai d'épistémogénèse.. Québec: PU Laval et Paris Libr. Klincksieck, 1997.
3. Guillaume G. Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. P.: Champion, 1929; 2-ème éd. 1970; Id. Langage et science du langage. P.: Champion, 1969. В дальнейшем сноски на эти труды будут даваться в тексте статьи с сокращениями: TV; LSL.
4. Guillaume G. TV; LSL.
5. Menev L. L'indicatif en russe moderne. Essai de systématique verbo-temporelle. Thèse... pour l'obtention du doctorat ès lettres. Université Laval. Québec, 1976.
6. Гийом Г. Принципы... с.186, 199; Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. Vol. 7. — Québec-Lille, 1986. p. 59 sq.
7. Méthode Guillaume. Préparation aux divers certificats d'aptitude à l'enseignement de la langue française en Russie. Textes et exercices. Fascicules 1-2 (série A). Fascicules 1-10 (série B). Paris (circa 1905).
8. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. P.: Hachette, 1919. P.17.
9. Guillaume F. G. Etudes de grammaire logique comparée. Les passés de l'indicatif français, allemands et russes. P.: Fischbacher, 1911. 84 p.; Id. Etudes de grammaire française logique. Le lieu du mode dans le temps, dans l'espace.

- Fasc. 1: L'article. P.: Fischbacher, 1912. 115 p.;
Id. Etudes de grammaire française logique. Le
lieu du mode dans le temps, dans l'espace.
Fasc. 2: Les temps. P.: Fischbacher, 1913. 136
p.
10. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume.
Vol. 1. Québec: PUL, 1971; Leçons... Vol. 3.
Québec-Paris, 1973; Leçons... Vol. 4. Québec-
Paris, 1974; Leçons... Vol. 9. Québec-Lile,
1989.
11. Гийом Г. Принципы... С. 178, 198, 27.